

БЕДНЫЕ ЛЮДИ

— **Валерия, неужели вы действительно уехали из Москвы в провинцию?**

— В Аткарске мне комфортно, хотя мы живем там одной большой семьей в маленькой двухкомнатной квартире. Спасает то, что моя бабушка имеет трехкомнатную квартиру в соседнем подъезде. Так что есть где разместиться. Дети закончили учебный год в той же школе, в которой училась я. Там хорошие педагоги, и я могу сказать, что заниматься им приходится побольше, чем в Москве. Сверстники Темки, которому 7 лет, в Аткарске уже таблицу умножения учат. А в Москве к ней еще не приступали. Он фактически отставал на полгода, но мальчик он умный и сообразительный, быстро нагнал одноклассников. В Москве Аня и Тема учились в английской спецшколе, теперь они каждый день занимаются с частным педагогом. Более того, я наконец отдала Тему в музыкальную школу. Мой папа — заслуженный работник культуры, возглавляет музыкальную школу в Аткарске. Раньше, когда мы постоянно жили за городом, дети приезжали домой уставшие (у них занятия заканчивались в половине пятого), и я думала: «Не надо никакой музыкальной школы, лишь бы они были здоровы».

— **Решение уехать было спонтанным или вы планировали сей побег?**

— 31 октября прошлого года я приняла решение расстаться с Шульгиным. Но мне пришлось отработать гастрольный тур, иначе он потребовал бы выплатить неустойки. В новогоднюю ночь было много работы, а на Старый Новый год мы уехали. Здесь, в Москве, мне не дали бы покоя ни он сам, ни журналисты.

— **Говорят, что Шульгин пытался вас вернуть?**

— Ну, он встречался с моими родителями в конце прошлого года. Впервые, кстати, за 12 лет по отношению к ним проявил все свое обаяние, был душечка-лапочка. Сыграл великолепно — талантище! Потом два раза приезжал в Аткарск. Наверное, для того, чтобы в суде сказать, что неоднократно навещал детей.

Первый раз прибыл с группой поддержки — со своей мамой. Она замечательная женщина, которая меня всегда поддерживала. Людмила Алексеевна понимала, что жить с ним невозможно, и никогда не просила меня вернуться. Она осталась на два дня, чтобы пообщаться с внуками, а Шульгин уехал первым же поездом.

В другой раз он приехал с бывшей сотрудницей, которая снимала все на камеру. Они пошли в школу, чтобы снять трагическую сцену встречи детей с папой. Зашли в первую попавшуюся — он даже не знал, в какой школе его дети учатся, хотя ему говорили. Аткарск город тихий, спокойный. Он там такой шорох надел! Зачем надо было брать амбала-охранника с оружием?

— **Говорят, что причиной развода стал другой мужчина.**

— Это просто смешно. Шульгин всегда говорил, что чище, светлее человека чем я, нет. Я была ему верной женой при

Супруг, он же продюсер, не захотел отпускать свою «золотую жилу». А «жила», она же Валерия, хотела работать самостоятельно. То есть подальше от бывшего муженька. Теперь певица через суд намерена добиться расторжения всех деловых контрактов с бывшим супругом. Басманный суд столицы уже удовлетворил один из исков Валерии — к компании Шульгина «Фамилия Энтертейнмент» и признал агентский договор недействительным. На очереди еще два. Лефортовскому суду предстоит аннулировать договор с экс-супругом о выпуске альбомов. А Мосгорсуд по кассации рассмотрит дело о разделе имущества. Чтобы наконец расставить все точки над положенными «i», Валерия разговаривалась...

таких обстоятельствах!.. Но он не всегда отвечал тем же.

— **Он изменял?**

— Конечно. Свидетели тому — и его мама, и домработница, и водители. Порой это происходило прямо в нашем доме, в супружеской постели.

— **Ваша свадьба с директором Сергеем Филоненко — только слухи?**

— Он женат и разводиться не собирается. Они живут уже много лет в венчанном браке и счастливы. Мне кажется, я замуж не выйду никогда в жизни. Нет, нет и еще раз нет! Я вообще перестала доверять мужчинам. И больше не позволю вытирать о себя ноги.

— **Правда, что семейные скандалы нередко заканчивались рукоприкладством?**

— Рукоприкладство — это самое мягкое слово. В ход шли не только кулаки и подручные предметы, однажды он воткнул мне в ногу нож. Когда готовилась «Песня года» в 1994 году, я приехала на съемки беременная, с отбитым копчиком, с разбитым лицом. Он избил меня за день до этого, при-

ЖЕРТВА КОНТРАКТА

чем прилюдно — в студии «Мосфильма». Я еле унесла ноги. Добравшись домой, с травмированным позвоночником, сломанными пальцами и жуткими кровоподтеками на лице я предстала перед своими родителями, которые гостили у нас. Так вот, к съемкам «Песни года» меня кое-как загромировали, а Шульгин говорил операторам: «Не снимайте с этой стороны. У нее флюс». А потом были съемки клипа «Самолет», и я сидеть не могла, пердегивалась с огромным трудом.

— **Дети становились свидетелями подобных сцен?**

— Да. Страшно вспомнить, как они реагировали. Мы старались, чтобы дети ничего не видели. Няни или старшие, которые находились в доме, хватали их в охапку и уводили. Но они же все понимали, все чувствовали. Им тоже досталось. К кому-

то он был мягче, а среднему попадало больше всех. Наверное, потому что Тема на меня похож. И родители тоже становились свидетелями, но им, слава богу, хватало мудрости не вступать в конфликты, не комментировать. Они просто делали так, чтобы мне было хорошо. Слава богу, что здоровая осталась. И живая.

— **Как вам хватило сил столько терпеть?**

— Сначала любовь, конечно, была. Потом... Я сама себе удивляюсь, сколько я смогла вынести. Он просил прощения, давал обещания. Слова казались такими искренними.

Если бы мне сказали раньше, что я, медалистка, отличница в институте, попаду в такую ситуацию, — не поверила бы. Я училась у Иосифа Давыдовича Кобзона, все так хорошо складывалось, я была абсолютно уверена в своих силах. Но Шульгин сделал так, чтобы я оказалась отрезана от своего прошлого, чтобы все считали, будто он меня родил. Теперь он говорит: «Вот ты какая стала»? Моя мама на это отвечает: «Не стала, такой она была всю жизнь». Выясняется, что он меня совсем не знал.

— **Однажды вы уже подавали на развод. Почему вернулись?**

— Не однажды. Только третья попытка увенчалась успехом. Первая была в октябре 1999-го: я сказала, что жить так больше не могу. И ушла куда глаза глядят — без денег, к чужим людям. Сено родила без него, в ноябре. Шульгин присутствовал, когда я рожала Аню и Тему, а в третий раз он даже не знал, что я в роддоме.

Развод зрел годами. Мое терпение заканчивалось. Я все это время понимала: надо что-то менять, так дальше продолжаться не может. И предпринимала попытки: без официальных разводов уезжала к маме, забирала детей. Сначала это действовало. Потом уже ничего не помогало. Но я все-таки надеялась на лучшее. Когда мы первый раз развелись, я полгода не жила с ним. Он и теперь думает, что я отсижусь и опять все пойдет по-прежнему.

Меня часто спрашивают, почему же я рожала детей. Это трудно объяснить людям, которые не находились внутри нашей ситуации. Избавляться от детей я бы никогда не стала. Я всегда была нацелена на семью и делала все, чтобы возможно было хотя бы сосуществовать вместе. Мне кажется, что если человек нормальный, всегда можно найти решение любого конфликта.

— **Сейчас у вас возникли проблемы с разделом имущества из-за брачного контракта. Кто предложил его подписать?**

— Когда я первый раз подавала на развод, он требовал забрать заявление, обещал доказать, как он изменился. Я предложила подписать брачный контракт, чтобы нечего было делить. Не хотела снова услышать: «Здесь ни одного гвоздя твоего нет!». Шульгин согласился, но тут же сказал: «Моя квартира в Камергерском под залогом, я должен денег. Поэтому у нас есть только маленькая квартира на «Пролетарке», где мы все прописаны, и дом в Крекшине. Ты бери дом, а я уж как-нибудь в квартирке». Тогда он с меня взял расписку о том, что мне принадлежит большая часть имущества. На тот момент так и было: квартиру в Камергерском в брачный договор не внесли. Но как только мы подписали бумаги, эта роскошная квартира

оказалась тут же выкуплена. Он очень хитро поступил. Все, что мы заработали за последние три года, вся недвижимость на сумму 2,5 миллиона долларов (так ее оценили независимые эксперты) по брачному контракту досталась ему одному.

— **А вам отошла дача в Крекшине.**

— У нас небольшой дом, но не в поселке артистов, а около станции. Там как в деревне — обычные дома, не особняки.

Формально, по документам, Шульгин прав. Он приходил в суд с брачным контрактом и говорит: «Посмотрите, она же все сама подписала, в здравом уме и твердой памяти. К остальному имуществу она не имеет отношения. Я все заработал сам». Но на самом деле — это обман.

— **Почему он не хочет, чтобы вы жили с детьми в одной из московских квартир?**

— Не знаю. Сначала не хотел отдавать квартиру, чтобы она не досталась чужому дяде. Потом кто-то из его окружения сказал, будто я ушла в секту Свидетелей Иеговы. Кстати, когда Шульгин приезжал в Аткарск в первый раз, он твердил, что все готов отдать. А потом вдруг мне сообщили: «Александр изменил свою точку зрения. Вы не сможете претендовать на квартиры». Более того, они заявили, что я должна буду отдавать 30 процентов от своего заработка. Поэтому я подала иски в суд о признании договоров с его компаниями недействительными. Я отработала все контракты. На мюзикл «Я» контракта, слава богу, не было. Я спела партию, а потом поняла, что если подпишу бумаги, то вообще никогда не разделаюсь с Шульгиным. Он пытался заставить меня выступать в этом проекте разными средствами, даже с помощью бандитов. Ко мне в гримерку в «Метелице» зашел человек с толстой цепью на шее и говорит: «Надо бы помириться с мужем».

Он мог совершенно спокойно дать развод. Отпустил бы меня добру-поздорову. Никто бы ничего не узнал. Так надо было устроить такое шоу! Его популярность возросла в десятки раз. Кто знал в провинции Шульгина? Его знала только московская тусовка. Очевидная выгода для него.

— **Вы получаете алименты?**

— По брачному контракту мы должны пополам делить расходы на детей. То, что я попросила, он перечислил. Правда, его адвокаты скрупулезно считают каждую копейку. «Неужели», — говорят, — в Аткарске такая жизнь дорогая? Но эта сумма была за декабрь—январь, мы перед Новым годом много потратили в Москве.

— **Собираетесь окончательно перебраться в столицу?**

— Да. Пока не могу сказать — когда. Не знаю, как решатся наши проблемы. Надо где-то жить, мучить детей ежедневными поездками из Крекшина нельзя. Рассчитывать на благородство Шульгина не приходится. Я достаточно сильный человек, чтобы вытерпеть все, что вытерпела, а уж построить новую жизнь тем более сумею. Мне так хорошо, как никогда! Я мир по-другому увидела, для меня солнце светит, птички поют. Такое счастье. Нужно, наверное, испытать то, что испытала я, чтобы это понять. Видимо, я изголодалась по нормальному общению с детьми, с родителями, с близкими друзьями. Просто не было кислорода. Просто не было жизни.

Наталья БЫКОВА.